

**ХРИСТИАНСТВО И ВОЙНА В СОЗНАНИИ И КУЛЬТУРЕ
СРЕДНЕВЕКОВОГО РЫЦАРСТВА XI – XIII ВВ. (НА МАТЕРИАЛЕ
ФРАНЦУЗСКИХ ПЕСЕН О ДЕЯНИЯХ)**

Белоусов Денис Сергеевич

*начальник центра сопровождения научно-инновационных программ и
проектов,*

*ГАУ ДПО «Саратовский областной институт развития образования»
г. Саратов*

denisword@yandex.ru

АННОТАЦИЯ: В работе предпринята попытка поиска в литературных источниках и анализа средневековых представлений о войне, их трактовки с точки зрения христианства, играющего особую роль в рыцарской культуре и среде. Текст источников отчетливо показывает, что в сознании и культуре средневекового человека «рыцарь» всегда является представителем военного землевладельческого слоя общества, чьи культурные ориентиры неразрывно связаны с христианством. «Рыцарь» воспринимается не только как воин, как часть вассально-сеньориальных отношений, но и как проводник, защитник христианства. Религия также определяет набор качеств и установок, который позволяет достаточно четко идентифицировать рыцаря и определять круг его функций в мирное и военное время.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Рыцарство, христианство, средневековый менталитет, средневековая культура, культура рыцарства.

ABSTRACT: The article attempts to search in literary sources and analyze medieval ideas about war, their interpretation from the point of view of Christianity, which plays a special role in the knightly culture and environment. The text of the sources clearly shows that in the consciousness and culture of medieval man, the "knight" is always a representative of the military landowning stratum of society, whose cultural landmarks are inextricably linked with Christianity. The "knight" is perceived not only as a warrior, as a part of vassal-senior relations, but also as a guide, defender of Christianity. Religion also defines a set of qualities and attitudes, which makes it possible to clearly identify the knight and determine the range of his functions in peacetime and wartime.

KEY WORDS: Chivalry, Christianity, medieval mentality, medieval culture, culture of chivalry.

Западноевропейское рыцарство эпохи Средневековья достаточно долго находится в центре внимания как отечественных [18, 26, 30], так и зарубежных исследователей [7-14, 16, 21-23, 27, 28, 30]. Его рассматривали и как военную силу [19], и как землевладельческое сословие [7, 9], и как специфического носителя одного из пластов средневековой культуры. Проводились исследования и в области менталитета рыцарства [26, 27, 29], где особое внимание уделялось влиянию христианства на процесс формирования и становления данного социального слоя. К настоящему

моменту неразработанным и неуточненным остается вопрос о восприятии христианства в сознании и культуре рыцарства.

В статье будут уточнены некоторые проекции модели сознания рыцарства, связанными с христианством. В частности, внимание в большей степени будет сконцентрировано на процессе поиска и анализа представлений о христианстве в сознании и культуре рыцарства, фигурирующих в текстах французских средневековых литературных памятников. В качестве источников для данного исследования были привлечены тексты средневековых французских жест (*chanson de geste*), таких как «Песнь о Роланде», «Аспремонская песнь», «Коронование Людовика», «Песнь о Гильоме», «Гильом Оранжский», «Песнь о Жираре Руссильонском» [1-6].

В основе любой жести лежит повествование о каком-либо деянии, чаще всего о ратном подвиге главного героя или группы героев. Описание войн, сражений и поединков занимает в них большую часть текста. Этот факт не должен казаться удивительным, поскольку следует учитывать литературную специфику источников. Все значимые деяния главных героев, рыцарей, в текстах источников прописаны на фоне войны, а не турнира, тем более, не в рамках мирного времени. Следовательно, в текстах источников война мыслится как наиболее подходящая основа для передачи всей, как внешней, так и внутренней полноты содержания не только деяний героев, но и их устремлений и представлений. Война в данном случае приобретает в рамках источников характеристику смыслового стержня, вокруг которого и строится повествование жести. Однако интересно восприятие в сознании и культуре рыцарства войны, прошедшего через призму христианской религии. Как показывают тексты источников, война в культурном плане представляет собой некое военное действо, в котором заняты воины, из которых наибольшее значение имеет рыцарство, чаще всего выходящее на первый план. Из этого следует, что средневековое сознание воспринимает войну как благородное дело и дело благородных, или способное сделать благородным. Рассматривая данный момент, не стоит забывать, что проекции модели восприятия войны существовали у средневекового человека в целом, а он уже мог относиться к какому-либо сословию, что и накладывало определенный отпечаток на восприятие, а точнее будет сказать – формировало проекцию модели восприятия. А вот полярность этой проекции как раз и определяло христианство.

Война распадается на внутреннюю и внешнюю, определяющуюся не по границам государства, а по границам распространения христианской религии. Война воспринимается как внешняя, когда она ведется за пределами христианского мира. Внутренняя же, напротив, это война христиан праведных с христианами, преступившими законы, либо земные, либо небесные.

Если говорить о войнах внешних, то интересным представляется факт существования в языке и культуре французского рыцарства понятия

«pelerinage» (со ст. фр. паломничество), которое изначально наполнено в большей степени религиозным смыслом, чем военным. Понятие «паломничество» в сознании средневекового воина-рыцаря вбирает в себя два довольно тесно переплетенных между собой значения.

С одной стороны, «паломничество» предстает как война с «неверными», посягающими на христианскую веру. С другой, «паломничество» – война за нанесенное оскорбление и поругание чести воина-христианина, рыцаря, со стороны «неверных». При этом второе значение в менталитете средневекового рыцаря является наиболее значимым, в то время как первое, становится логическим продолжением второго. Фактически, «паломничество» как «война за христианскую веру» в представлениях средневековья, рыцарства в частности, является обобщающим понятием, опирающимся на «паломничество» как «война, за нанесенное “неверными” оскорбление», которое и является одной из движущих сил, побуждающей рыцарство принять участие в кампании.

Продолжая мысль, следует отметить, что война с «неверными» в менталитете средневекового человека, в частности рыцарства, предстает как один из способов очищения от «земной скверны». К тому же она предоставляет рыцарю возможность попасть в рай после своей смерти, особенно если рыцарь пал в бою с «неверными». Само понятие «война», чуждое христианской религии, в одном из своих производных, а именно: в «священной войне» с «неверными», трансформируется в «войну, угодную Господу», под которой рыцарство, в идеальном плане, понимает борьбу за христианство и его защиту, как высшего блага, ведущего к спасению. В понятие «внутренней войны», в широком смысле, входят войны внутри самого христианского мира.

Причиной таких войн чаще всего становится предательство. Текст источников четко показывает, что предательство своего сеньора, тем более государя, мыслиться как самое тяжкое преступление, которое может совершить благородный человек. За это он даже не достоин смерти от оружия другого благородного человека. Позор, который навлекает на себя предатель, нельзя ничем искупить. Предатель заслуживает только смерти, как единственно верного наказания, но оно в сознании и культуре рыцарства не воспринимается как искупление греха, каковым оно расценивается в христианстве.

Особый интерес представляют образы священнослужителей в жестах. В массе своей они безлики, также как и рыцари, если речь не идет о каком-то персонаже конкретно. В «Песни о Роланде» Карл пришел в Испанию не только с войском, принеся разрушения и смерть, но и со Словом Божьим, вложенным в уста огромного количества священнослужителей, идущих вместе с армией Карла. Их роль и значение в тексте, судя по объему уделенных строк, невелика и вся она сводится к исполнению ритуальных действий в момент захоронения французских рыцарей, павших в

Ронсевальском ущелье. На их фоне архиепископ-рыцарь Турпин выглядит очень колоритно и показательно.

Бесспорно, что данный персонаж в тексте жесты представлен как священнослужитель. Он благословляет французских воинов перед битвой в Ронсевальском ущелье, отпускает им грехи, и в качестве искупления приказывает бить мусульман. После осеняет всех крестным знаменем от имени Господа. В принципе, с формальной точки зрения, образ архиепископа Турпена можно без сомнений назвать образом настоящего христианского священнослужителя. Однако этому препятствуют некоторые моменты в тексте жесты. Турпен в бою облачен не в архиепископские одежды, как подобало бы его духовному сану, а в рыцарские доспехи. На ногах надеты золотые шпоры, один из символов рыцарского сословия. К тому же ему приписывается владение мечом, копьем и щитом. Турпен объединяет и совмещает в себе два начала, воинское и религиозное, которые между собой отлично сбалансированы. Его основными целями являются служение христианству и борьба с «неверными», с мусульманами как с врагами христианства, но борьбу свою он ведет не Словом Божиим, посредством миссионерства и проповедничества, как подобало бы человеку, принявшему духовный сан, а при помощи силы и оружия, как рыцарь. К тому же, из всего числа воинов-рыцарей, только Турпен не извлекает для себя материальной выгоды из войны. Его не интересует добыча и трофеи, для него главное – война за веру. Фактически он является единственным носителем подобных представлений о войне, которые по своему содержанию близки к понятию «священной войны», однако напрямую данное понятие и представления не нашли в тексте «Песни о Роланде» массового отражения.

Следует отметить, что через образ Турпена текст «Песни о Роланде» отчетливо показывает начало трансформации в сознании французского рыцарства «великой войны» с «неверными», целью которой является получение материальных благ, в так называемую «войну священную», в войну за христианскую веру, которой в представлениях средневекового человека начинает придаваться несколько большее значение, чем прежде.

«Война священная» Карла Великого в текстах жест позволяет выявить ещё два образа в сознании и культуре рыцарства тесно связанные с христианством. Во-первых, это образ самого императора. Его деяния в борьбе с «неверными» как правителя, и как воина находят поддержку у Всевышнего. И это неудивительно, ведь по текстам источников Карл не только правитель франков (французов), он – правитель всего христианского мира и верховный сеньор в миру в сословии воинов, но он же и первый вассал перед Господом. Второй образ, это образ Отца небесного, который предстает в сознании и культуре рыцарства, как образ всевышнего сеньора.

В заключение стоит отметить, что более детальное изучение литературных произведений, родившихся в рыцарской среде и существовавших для неё в период средневековья, позволит внести

существенные дополнения и уточнения в проблему изучения связи, влияния, взаимопроникновения христианства и рыцарства.

Библиографический список

1. Gérard de Rossillion, chanson de geste ancienne. Publiée en provençal et en français d'après les manuscrits de Paris et de Londres par Francisque-Michel (correspondant de l'institut de France). Paris. P. Jannet, Libraire, 1856.
2. Guillaume d'Orange, Chansons de geste des XI et XII siècles / Publiées pour la première fois par W.-J.-A. Jonckbloet. La Haye, 1854.
3. La chanson d'Aspremont / Chanson de geste du XII siècle. Texte du manuscrit de Wollaton Hall édité par Louis Brandin. Deuxième édition revue. T. 1–2. Paris. Librairie ancienne Honoré Champion, éditeur, 1923–1924.
4. La chanson de Guillaume / Publiée par Duncan McMillan. T. 1-2. Paris. Editions A. & J. Picard & C, 1949–1950.
5. La chanson de Roland / Text critique. Traduction et commentaire. Grammaire et glossaires par Léon Gautier (membre de l'institut./ Ouvrage couronné par l'académie française et par l'academie des inscriptions et belles-lettres. Nouvelle édition revue avec soin/ Édition classique à l'usage des élèves de seconde). Tours. Maison Alfred Mame et fils. 1887.
6. Le couronnement de Louis. Chanson de geste du XII siècle. Editée par Ernest Langlois. 2-ème ed. revue. Paris, 1965.
7. Bloch M. Le société féodale. P., Michel, 1968.
8. Cohen G. Histoire de la chevalerie en France au Moyen age. Paris, Richard-Masse. cop., 1949.
9. Duby G. Hommes et structures du Moyen Age. P., 1973.
10. Duby G. Les trois ordres ou L'imaginaire du féodalisme. P., 1979.
11. Flori J. L'essor de la chevalerie. XI-XII e.s. / Préf. de Leopold Genicot. Geneve: Droz, 1986.
12. Gautier L. La chevalerie. Grenoble, Arthaud, 1960.
13. Gautier L. Les épopée françaises. P., 1878.
14. La noblesse au Moyen âge / Ed. PH. Contamine. Paris, 1948.
15. Paris G. La littérature française au Moyen Age. P., 1889.
16. Peignot G. La selle chevaliere / Par Gab. Peignot. Paris, Techener; Dijon, Lagier, 1836.
17. Андреев Ю.В. Поэзия мифа и проза истории. Л., 1990.
18. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. // Гуревич А. Избранные произ. В 4-х т. М., СПб., 1999. Том 2. Средневековый мир.
19. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. М., 1938. Т.3. «Средневековье».
20. История французской литературы. М., Л., 1946. Т.1. С древнейших времён до революции 1789 г.
21. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. Сретенск, 2000.
22. Кин М. Рыцарство / Пер. с англ. И. А. Тогоевой. М., 2000.
23. Контамин Ф. Война в Средние века / Пер. с фр. Ю. П. Малинин, А. Ю. Карачинский, М. Ю. Некрасов; под ред. Ю. П. Малинина. СПб., 2001.

24. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Сретенск. 2000.
25. Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. М., 2001.
26. Луцицкая С. И. Образ другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001.
27. Руа Ж.Ж. История рыцарства. 2-е изд. М., 2001.
28. Флори Ж. Идеология меча. Предыстория рыцарства/ Перев. с фран. М. Ю. Некрасов, науч. ред. к.и.н. Ю.П. Малинин. СПб., 1999.
29. Хёйзинга Й. Осень средневековья: Соч. в 3-х томах/Пер. с нидерланд. Вступ ст. и об. ред. В. И. Уколовой. М., 1995. Т.1.
30. Ястребицкая А.Л. Западная Европа XI – XIII в.в. Эпоха. Быт. Костюм. М., 1978.

УДК 2

НЕОБХОДИМОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В КРЫМУ. МЕТОДЫ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ. ПРИОБРЕТЁННЫЙ ОПЫТ РЕШЕНИЯ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В КРЫМУ.

Булатов Айдер Аметович

кандидат философских наук, директор центра,

«Крымский научный центр этносоциальных и этноконфессиональных исследований»

г. Симферополь

bulatov-07@mail.ru

АННОТАЦИЯ: Тема статьи посвящена конфликтной ситуации, сложившейся между православным и мусульманским сообществами Крыма. Взаимные конфликты постепенно трансформировались в проявления ксенофобии и исламофобии, проявляющиеся в актах вандализма в отношении мусульманских кладбищ, культурных памятников и культовых зданий. В результате кропотливой работы удалось сформировать определённую площадку, на которой на регулярной основе могли собираться представители заинтересованных государственных, научных, общеобразовательных, общественных и религиозных центров, способных консолидировано разработать концепцию по формированию в обществе толерантного сознания и поведения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Крым, мусульмане, христиане, исламофобия, ксенофобия, диалог, толерантное сознание.

ABSTRACT: The topic of the article is devoted to the conflict situation between the Orthodox and Muslim communities of Crimea. Mutual conflicts gradually transformed into manifestations of xenophobia and Islamophobia, manifested in acts of vandalism against Muslim cemeteries, cultural monuments and religious buildings. As a result of painstaking work, it was possible to form a certain platform on which representatives of interested state, scientific, educational, public and religious centers could gather on a regular basis, capable of consolidating the